Глава 10. Откровенный разговор

Дерик ушёл сразу, как только помог Карлосу с последними приготовлениями. Он был старшим сыном в семье и считал своим долгом вернуться пораньше, чтобы подсобить родителям по хозяйству. Как Карлос ни уговаривал его остаться, тот был непреклонен.

Время тянулось невыносимо медленно. Карлос присел у самой двери, сжимая в руках хлопушку. Мышцы затекли, в коленях поселилась тянущая ломота, но он не двигался с места — боялся пропустить возвращение Мишель. Несмотря на усталость, он предвкушающе улыбался.

Обычно мама возвращалась в пятом или шестом часу, но сегодня стрелки часов перевалили за девять, а дверь всё не открывалась.

Карлос клевал носом, то и дело проваливаясь в зыбкую дрёму. Когда в замке наконец заскрежетал ключ, он вздрогнул и мгновенно очнулся. Сонливость как рукой сняло. Он потёр лицо ладонями, стараясь придать себе бодрый вид, и приготовился.

Дверь медленно поползла в сторону.

— Пли! — Карлос резко дернул за шнурок.

Раздался звонкий хлопок, и комнату заполнил каскад разноцветных конфетти. В тот же миг вспыхнули гирлянды, расцвечивая полумрак неоновыми огнями, а в самом центре комнаты, на столе, манил кремовыми боками огромный торт.

— Мама, с днём рождения! — Карлос вскочил, но от резкого движения голова пошла кругом.

Ему пришлось схватиться за дверную ручку, чтобы не упасть. Взглянув на Мишель, он осёкся: она стояла на пороге, и по её лицу градом катились слёзы. Карлос испугался, бросился к ней, но затекшие ноги подвели — он запнулся о собственный ботинок и неловко растянулся на полу.

Мишель тут же подхватила его, помогая подняться. Она бросила взгляд на порог, где он прятался:

— Карлос, ты что… всё это время просидел там, на корточках?

Карлос лишь виновато шмыгнул носом и глупо улыбнулся, не зная, что ответить. Его молчание было красноречивее любых слов.

— Глупенький ты мой, — Мишель нежно обняла его и повела к дивану. — Ну зачем так истязать себя? Мог бы хоть стул поставить, если уж так хотелось встретить меня у двери.

Карлос моргнул, глядя на стул, мимо которого они проходили. Ему и в голову не пришло, что можно было устроиться с комфортом. Он так боялся пропустить момент её прихода, что просто замер в засаде, не думая о затекших ногах.

— Всё в порядке, мам, — пробормотал он, довольно щурясь в её объятиях. — Главное, что ты пришла.

— Никогда больше так не делай, слышишь? — Мишель прижала его к себе ещё крепче, в её голосе звучала суровая нежность. — Обещай мне.

Карлос уткнулся лицом в её плечо:

— В следующий раз я буду умнее и не стану так долго сидеть на полу.

В его словах звучал скрытый смысл: он не обещал прекратить устраивать сюрпризы, он лишь обещал делать это менее мучительно для себя. Карлос всегда платил сторицей тем, кто был к нему добр.

Немного погодя он подвёл Мишель к праздничному столу.

— Загадывай желание, мама.

— Хорошо, — улыбнулась она.

Всё это казалось ей удивительно знакомым — всего несколько месяцев назад она точно так же устраивала праздник для него. Сычэнь просто подражал ей, но эта искренняя, детская попытка отблагодарить тронула её до глубины души.

Мишель закрыла глаза. «Пусть Карлос будет счастлив всю свою жизнь», — пронеслось в её мыслях. Она задула свечи и увидела перед собой нарядно упакованную коробочку.

Хлопушки, торт, подарки… Мишель снова почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Она присела перед сыном:

— Карлос, можно мне открыть его прямо сейчас?

— Да! — он энергично закивал, хотя внутри всё сжалось от волнения. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы подарок, который он выбирал с такой тщательностью, пришёлся ей по душе.

Мишель сорвала обертку и открыла футляр. На бархатной подложке сияла изящная подвеска в

виде русалки. Женщина была в неподдельном восторге. Она протянула украшение Сычэню:

— Надень его на меня, Карлос. Завтра же пойду хвастаться — пускай все знают, какой подарок мне сделал сын!

В её голосе звенела гордость. Она ни на секунду не пожалела о том дне, когда решила забрать этого мальчика к себе.

Сычэнь, стараясь не дышать, осторожно застегнул замочек на её шее. Отойдя на шаг, он увидел, что Мишель уже взяла в руки поздравительную открытку. Он вспыхнул от смущения и опустил голову:

— Мам, я ещё плохо пишу… Прости, если вышло криво. Обещаю, в следующем году я напишу лучше, и подарок тоже будет лучше.

В четыре года Сычэня заперли в поместье семьи Ли. Единственным человеком, с которым он общался, была тётушка Чжан — именно благодаря ей он не разучился говорить и узнал о жизни хоть что-то. Но в школу он не ходил. Раньше он даже не знал, как правильно держать ручку, и лишь в последнее время буквы начали складываться в подобие слов.

На открытке красовалось крупное «С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ», а чуть ниже, мелкими, неровными каракулями было приписано: «Желаю маме прожить сто лет и радоваться каждому дню».

Мишель бережно спрятала открытку. Она обхватила лицо сына ладонями и запечатлела нежный поцелуй на его лбу:

— Спасибо тебе, мой дорогой.

Сычэнь просиял — его маленькая миссия увенчалась успехом. Он привстал на цыпочки и звонко чмокнул Мишель в щеку:

— Мама, будь счастлива. Я всегда, каждый год, буду рядом с тобой.

— Обязательно, — прошептала она.

Она усадила его к себе на колени. За последний год Сычэнь заметно вытянулся, но всё равно оставался хрупким и маленьким для своих десяти лет.

— Карлос, — начала она, её голос стал серьёзным. — Ты ведь знаешь, о чём я хочу спросить. Ты смелый мальчик, так что скажи мне правду: чем ты занимался всё это время?

Мишель уже знала, что за синяки украшали его тело. Гнев, вспыхнувший в ней поначалу, сменился щемящей жалостью.

Сычэнь сначала замялся, но восторг быстро взял верх. Для него возможность работать и зарабатывать была предметом огромной гордости:

— Мама, ты не представляешь! Я снимаюсь в кино! И там платят настоящие, большие деньги!

— Снимаешься? — Мишель на мгновение лишилась дара речи. Пазл в её голове сложился: ночные отлучки, синяки, украшения в доме, торт, дорогая цепочка… Она поняла, что мальчик потратил на этот праздник всё до последнего цента. — Так ты избивал себя ради роли? Гробил здоровье ради денег?

Ли Сычэнь вжал голову в плечи, не понимая, почему она вдруг рассердилась:

— Мам, это просто работа… Ну, грим или падения по сценарию. Это совсем не больно, честное слово.

По сравнению с его прошлой жизнью, где его морили голодом и холодом, пара ссадин на съёмочной площадке казалась ему сущим пустяком.

— Карлос! — Мишель взяла его за подбородок, заставляя смотреть ей в глаза. — Моего заработка хватит на нас двоих. Тебе не нужно работать. Ты ребёнок, ты не должен думать о хлебе насущном.

— Но… я не хочу сидеть у тебя на шее, — голос мальчика дрогнул, в глазах заблестели слёзы. Тётушка Чжан всегда говорила ему: никто не будет любить тебя просто так, за добро надо платить добром, иначе тебя бросят. Он так долго искал эту любовь и до смерти боялся её потерять.

Мишель на мгновение замерла, поражённая его словами, а затем твёрдо произнесла:

— Кто тебе сказал такую глупость? Ты мой сын. С того самого дня, как я подписала бумаги об опеке, ты — плоть от плоти моя. Я обязана заботиться о тебе, и мне не нужны никакие «возвраты долгов». Понимаешь?

Сычэнь редко видел её такой решительной. Он обхватил её руками за шею:

— Мама, я понял… Прости. Я больше не пойду на студию.

Он не мог позволить ей расстраиваться.

На этом разговор закончился. Сычэнь честно держал слово и не возвращался к съёмкам, несмотря на настойчивые уговоры Дерика.

Прошло несколько недель. Наступили выходные. Мишель хлопотала на кухне, а Сычэнь от скуки включил телевизор. Внезапно он замер: на экране мелькнуло знакомое лицо. Его собственное. Он выронил пульт и, затаив дыхание, впился взглядом в экран.

Мишель вышла из кухни и заметила состояние сына. Он смотрел с таким восхищением и тихой грустью, что у неё сжалось сердце. Она проследила за его взглядом.

На экране шёл фильм. Несмотря на грим, другую одежду и линзы, она сразу узнала своего Карлоса. И в этот момент она впервые увидела его по-настоящему. На экране он не просто играл — он сиял. В каждом жесте, в его изумрудном взгляде была такая сила и страсть, которая не подвластна простому ремесленнику. Даже в эпизодической роли он приковывал к себе всё внимание.

Сцена закончилась, и Карлос исчез с экрана. Сычэнь разочарованно вздохнул и опустил плечи.

Мишель тихо подошла и присела рядом.

— Карлос… тебе ведь правда нравится сниматься?

Мальчик вздрогнул, его взгляд заметался. Он помнил своё обещание и боялся её огорчить, поэтому поспешно соврал:

— Нет, мама… Что ты, я просто так смотрю. Случайно переключил.

Мишель была взрослой женщиной и видела его насквозь. Она мягко погладила его по волосам и улыбнулась:

— Карлос, послушай меня. Если тебе это нравится — иди и снимайся. Я не хочу, чтобы ты работал ради денег. Но если это то, от чего ты так сияешь… тогда я только за.

Сычэнь недоверчиво округлил глаза. Его детская непосредственность тут же вырвалась наружу:

— Правда? Ты не шутишь?

— Чистая правда. Занимайся тем, что любишь. А я всегда буду на твоей стороне.

— Ура! Мамочка, ты лучшая!

Сычэнь вскочил, обвил руками её шею и звонко поцеловал в лоб, сияя от счастья.

http://bllate.org/book/17536/1701996